Павел Вадимович ВОЛКОВ

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ЭПОХУ «ПОЗДНЕГО МОДЕРНА»

В современную эпоху дискурс стал мощнейшим средством социального контроля, а значит и власти. Академические исследования в рамках критического дискурс-анализа призваны выявлять несправедливость, неравенство и дискриминацию в дискурсах, а также предлагать способы борьбы с негативными общественными явлениями в семиотической сфере. Однако политизированная зацикленность многих исследователей на вопросах «идентичностей» оставляет без внимания глубинные политэкономические причины общественных проблем.

Ключевые слова*: дискурс, критика, общественные отношения, текст, контекст, идентичность, социальный класс.*

Pavel V. VOLKOV

THE GOALS AND VALUES OF CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS IN "LATE MODERNITY"

In the modern era, discourse has become a powerful means of social control, and therefore of power. Academic research within the framework of critical discourse analysis is designed to identify injustice, inequality and discrimination in discourses, as well as to propose ways to combat negative social phenomena in the semiotic sphere. However, the politicized fixation of many researchers on the issues of "identities" ignores the underlying political and economic causes of social problems.

Key words*: discourse, criticism, social relations, text, context, identity, social class.*

«Для понимания мира необходимо активно участвовать в его изменении»
Ариевич, Стеценко, «Магия знаков. Траектория развития культурной медиации»

Для чего нужна критика дискурса

В современную эпоху (она же «поздний модерн») дискурс стал, «возможно, основным средством социального контроля и власти» [Fairclough 1989: 3]. Исходя из этого положения, критический дискурс-анализ (КДА) Нормана Фэйрклафа предлагает «сосредоточиться на социальной проблеме, имеющей семиотический аспект» [Fairclough 2001: 125]. Речь идет, прежде всего, о выявлении идеологических эффектов дискурса, посредством которых производятся

и воспроизводятся отношения неравенства между классами, нациями, полами и т.д. [Fairclough, Wodak 1997: 259]. КДА выступает с позиции угнетенных групп и на их стороне.

Дискурсы для Фэйрклафа — это социальные пространства, в которых одновременно происходит познание мира через его репрезентацию и социальное взаимодействие [Fairclough 1995: 6].

«Мое использование термина "критический" (и связанного с ним термина "критика"), — пишет он, — связано, с одной стороны, с приверженностью диалектической теории и методу, "которые схватывают вещи... по существу, в их взаимосвязи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и прекращении существования" [Engels 1976: 27], а с другой стороны, с мнением о том, что в вопросах химии взаимосвязи причинно-следственные цепочки могут быть искажены до неузнаваемости» [Fairclough 1995: 36].

Как утверждает Фэйрклаф, «в человеческих делах взаимосвязи и цепочки причин и следствий могут быть искажены до неузнаваемости. Следовательно, "критика", по сути, делает видимой взаимосвязь вещей» [Fairclough 1985: 747].

Развивая одиннадцатый тезис о Фейербахе Карла Маркса («Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс, Энгельс 1955: 4]), Фэйрклаф пишет, что критическая социальная наука отличается от других социальных наук тем, что она направлена не только на описание обществ, систем (например, политических систем), институтов и организаций, но также и на оценку того, как изменить их к лучшему [Fairclough, Fairclough 2012]. В этом, по словам Гюнтера Кресса, и заключается задача критических дискурс-исследований — анализируя тексты, «помогать достижению более справедливого общественного устройства» [Kress 1996: 15].

Соответственно суть критического социального анализа Фэйрклаф видит в трех моментах: внимании к системе общественных ограничений, которые увеличивают человеческие страдания; историческом объяснении генезиса этих ограничений; выявлении возможностей преобразования действительности для уменьшения человеческих страданий.

«Я придерживаюсь (марксистской) точки зрения, что изменение мира к лучшему зависит от способности объяснить, как он стал таким, какой он есть. Одно дело критиковать язык и обычаи людей на том основании, что они расистские, но другое дело объяснять, почему и как

расизм возникает или становится опасным среди определенных людей при определенных обстоятельствах» [Fairclough 2013: 10].

Чтобы изменить нечто к лучшему, это нечто нужно истинно познать. Фэйрклаф утверждает, что КДА не может оставаться безразличным к вопросу истины, суждения о которой являются необходимой частью общественной жизни.

«Интеллектуалы не должны стесняться выносить суждения об истине [...], — пишет он. — Впадать в беспомощный релятивизм, сталкиваясь с такими проблемами, как военные преступления в бывшей Югославии, которые требуют суждений об истинности и ложности, на мой взгляд, является серьезным этическим провалом, какие бы теоретические доводы ни использовались для его рационализации» [Fairclough 1995: 10].

Так, имплицитно обращаясь к гегелевскому единству идеи познания (объяснения действительности) и идеи добра (преобразования действительности к лучшему) [Гегель 2019], Фйэрклаф вводит в дискурс-анализ две формы критики: объяснительную (задача — объяснить, почему дискурс таков, каков он есть) и нормативную (задача — выявить в существующем дискурсе неравные отношения, которые наносят вред общественному благополучию) [Fairclough, Fairclough 2012: 79]. Синтезируя объяснительную и нормативную критику неравных общественных отношений, Фэйрклаф предлагает искать способы, чтобы их изменить.

Отношения между людьми, а не между знаками в тексте

Критика дискурса направлена на выявление манипуляции, намеренного обмана, который мешает адекватной оценке аргументов и натурализирует идеи определенных социальных групп как всеобщие [Fairclough, Fairclough 2012: 95–98]. Она требует анализа текста, а точнее — синтеза анализа непосредственно текста; анализа дискурсивных практик генезиса, распространения и потребления текста; анализа социокультурных структур, в которых рождается, распространяется и потребляется текст [Chouliaraki, Fairclough 1999; Fairclough 1998].

Критика сводится к четырем основным этапам [Fairclough 2013: 13–15]:

1. Поиск социальной несправедливости (нищета, неравенство, расизм и т.д.) в ее семиотическом выражении. Здесь нужно, во-первых, выбрать тему исследования, которая связана с социальной несправедливостью или указывает на нее и к которой можно

подойти междисциплинарным образом, уделяя особое внимание диалектическим отношениям между семиотическими и материальными моментами. Во-вторых, следует определить объекты исследования — единицы дискурса, которые формируют соответствующий дискурс-строй.

2. Выявление препятствий на пути устранения социальной несправедливости. В рамках КДА, препятствия — это тексты, наполненные соответствующими единицами дискурса, которые должны быть рассмотрены в диалектической взаимосвязи с материальными моментами (экономическим и политическим контекстом). Что касается непосредственно текста, Фэйрклаф предлагает анализировать его «внешние связи» (междискурсивный анализ) — связи с социальными практиками и социальными структурами, а также связи текста с другими текстами (интертекстуальность) и «внутренние» связи (языковой анализ) — семантику, грамматику, лексику, синтагматические и парадигматические отношения, интонации и ритм (в устной речи) и т.д. [Fairclough 2003: 36].
3. Итак, сначала проводится анализ связи между текстом и несемиотическим общественным бытием, затем — анализ самого выбранного текста (интердискурсивный и лингвистический/семиотический) и в конце — анализ воздействия текста на его рецепиента. Семиотический анализ здесь нужно понимать как поиск «точки входа» в диалектический (материально-семиотический) объект исследования.
4. Выяснение, присуща ли рассматриваемая социальная несправедливость рассматриваемому социальному строю, можно ли ее устранить внутри него или только изменив его. «Этот этап также связан с вопросами идеологии: дискурс идеологичен в той мере, в какой он способствует поддержанию определенных отношений власти и доминирования» [Fairclough 2013: 15].
5. Определение возможных путей преодоления социальной несправедливости в рамках существующего социального строя, если это возможно. Речь идет прежде всего о разработке семиотической «точки входа» в способы преодоления, т.е. разработке дискурса, который оспаривал бы господствующие стратегии в пользу альтернатив.

Семиотический фокус исследований часто приводит к тому, что КДА отождествляют с критической лингвистикой, но это неверно.

Критическая лингвистика, по словам Майкла Халлидея, изучает то, «как работает язык» [Halliday 2002: 16], тогда как для КДА важно, как «работает» несправедливость и неравенство в обществе. Тот факт, что дискурсивный аналитик «проникает» в общественную несправедливость через тексты, не меняет сути дела.

Для того чтобы исследовать, например, фашизм через дискурс, нужно изучить фашизм, а затем смотреть, как он проявляется в высказываниях фашистов. Лингвистика может многое сказать о дискурсе фашизма, например, о том, чем фашистский дискурс отличается от дискурса либерального или коммунистического, какие типичные слова в нем используются, какие слова регулярно встречаются вместе в словосочетаниях, какие значения в них закодированы, но вряд ли она способна ответить на вопрос, стоит ли конкретному человеку бояться фашистов, учитывая его национальность или политические предпочтения. В конце концов это просто не задача лингвистики. «Сила, как говорится, исходит из ствола оружия, но поскольку оружие редко стреляет само по себе, анализ ствола оружия или ударно-спускового механизма не поможет нам решить, как интерпретировать конкретное применение оружия или угрозу его применения и реагировать на это» [Jones 2007: 343]. Питер Джонс имеет в виду, что ни подсчет количества погибших с обеих сторон конфликта, ни знание о том, кто произвел первый выстрел, ни выяснение того, сколько осталось неиспользованных боеприпасов и каково устройство примененного в бою оружия, не поможет разобраться с вопросом о справедливости изучаемой войны и о том, на чьей стороне мы должны быть. Как смысл хождения (а уж тем более передвижения конкретного человека из одной конкретной точки в другую конкретную точку в конкретных обстоятельствах) невозможно понять, изучив структуру ног — количество и расположение костей, мышц и суставов, так и смысл дискурса невозможно понять, изучив структуру текста, в котором он репрезентован.

Лингвист, изучающий дискурс фашизма, будет иметь дело со словами, а человек, живущий в фашистском обществе и столкнувшийся с ненавистническими высказываниями в свой адрес — с фашистами. И вряд ли последнему чем-то поможет знание о том, сколько раз в публичном доносе против него встречается слово «раса» и означает ли оно «расу» в строго антропологическом смысле или просто в смысле какой-то инаковости. То есть, когда фашист называет кого-то, например, евреем или коммунистом, лингвист думает о национальности и

политических убеждениях, а тот, кого так называют, о том, что его сейчас убьют. Для лингвиста наличие в тексте слов «раса», «нация» и «кровь» интерпретируется как «связующий эффект» [Halliday 2002], который может что-то сказать о принадлежности текста к тому или иному политическому течению, в данном случае — фашизму. Но для лингвистики безразлично, реально ли кровь определяет национальность и следует ли из этого, что не соответствующее представлению о «чистоте крови» население будет уничтожено.

В то же время критический дискурс-аналитик рассматривает тот же самый текст с точки зрения судьбы этих «второсортных» людей, разбираясь, что их может ждать и каким образом они могут спастись (не как «работает» язык фашизма, а как «работает» фашизм в языке). Это разные задачи. *Отношения между людьми, а не между знаками в тексте, — вот что интересует критического дискурс-аналитика.*

Моральная и политическая позиция

Как верно подметил Фил Грэм [Graham 2018a: 107, Graham 2018b: 201–202], КДА часто и часто небезосновательно обвиняют в ненаучном морализаторстве, поэтому, что для дискурс-аналитика есть социальная справедливость, равноправие, демократия и все остальное, за что он выступает, согласно базовым задачам дисциплины, требует строгого определения. В то же время КДА — это слабо взаимосвязанный набор различных подходов, и это сильно усложняет задачу.

О проблеме невнятности социально-политической теории, от которой отталкиваются критические дискурс-аналитики, Норман Фэйрклаф (в соавторстве с Изабеллой Фэйрклаф) написал и в статье 2018 года, во многом подводящей итоги и переосмысливающей всю его предыдущую деятельность [Fairclough, Fairclough 2018]. Проблема, по мнению Н. Фэйрклафа, возникла из-за того, что многие западные левые (а КДА всегда занимались именно левые исследователи — «Маркса следует считать отцом-основателем критических исследований медиа и коммуникации» [Fuchs 2010: 34]) отбросили характерные для своего направления исследований классовые вопросы и погрузились в интересующие лишь «прогрессивных» городских либералов [Embery 2020] проблемы «идентичности», гипертрофированной политкорректности и того, что называется идеологией «воукизма».

В начале 90-х М. Халлидей писал, что сдвиг интереса с классовых вопросов на вопросы «идентичности» связан с тем, что существующему общественному порядку никак не угрожает борьба с гендерной и

расовой дискриминацией, «но выявлять классовость недопустимо, особенно в объективном лингвистическом анализе… потому что капиталистическое общество не могло бы существовать без дискриминации между классами» [Halliday 1990:17].

То же самое говорит Нэнси Фрейзер, которая четко различает теорию «идентичности» (где ключевым является «признание» мультикультурных особенностей, когда каждый видит другого как равного, но отдельного) и классовую теорию (где ключевым является производство и распределение материальных ресурсов и каждый может почувствовать единство со своим классом, при том что классы не равны) [Fraser, Honneth 2003; Fraser 2008]. Причем, по ее мнению, и это мнение полностью совпадает с позицией Фэйрклафа, именно чрезмерное внимание к «идентичности», которое отвлекло внимание от классовых вопросов, помогло неолиберализму стать доминирующей идеологией.

Дэвид Блок справедливо замечает, что социальный класс — это феномен, присущий неравенству при капитализме, и отсутствие уважения к культурным различиям есть не причина неравенства, а лишь следствие объективных причин неравного экономического положения разных групп населения [Block 2015: 10]. В конце концов, как отметил Эндрю Сэйер, бедные и дискриминированные хотели бы уничтожить бедность и дискриминацию, а не получить «признание» и «уважение» своей бедности и дискриминированного положения со стороны представителей более обеспеченных слоев населения [Sayer 2005].

В социогуманитарной сфере много лет говорят о том, что классовая теория «устарела» [Beck 1992, 2002, 2013; Castells 1996; Touraine 2007], а Крейг Брэндист добавляет, что с конца 1960-х, когда в западной гуманитарной науке доминирующими стали структуралистский, а затем постструктуралистский подходы к языку, иные подходы выставлялись не только как «устаревшие», но и как «тоталитарные» и «сталинистские» [Brandist 2011: 1]. Однако, как говорит Дэвид Блок, «гибель социального класса была сильно преувеличена» [Block 2015: 1]. В том же конце 60-х Уильям Лабов выяснил, что ряд речевых особенностей обусловлен классовым положением человека [Labov 1966]. С 1990-х, а особенно с 2000-х годов интерес к вопросу только растет, причем и в социологии, и в лингвистике, и в культурологической сфере [Norris 1990; Eagleton 2004; Ives 2004, 2005; Brandist 2015, Jones 2018].

Мэчин и Ричардсон в специальном выпуске журнала Critical Discourse Studies «Класс и дискурс» отметили, что в 80-е, когда появился КДА, классовая теория на Западе проигрывала постмодернизму,

заявившему о миллионе разнообразных идентичностей [Machin, Richardson 2008a], но сами высказались в пользу подхода, который видел бы за дискурсом материальные контексты [Machin, Richardson 2008b: 284]. Бен Рэмптон [Rampton 2003, 2006, 2010] и Джеймс Коллинз [Collins 2006] исходили из того, что экономические классы — это основополагающая единица социальной структуры, которая не исчезает от того, что ее не признают. Клаудия Орту писала, что «классовая борьба ведется посредством дискурса» [Ortu 2008: 289].

Джон Ричардсон еще более конкретен, он говорит, что его цель как дискурс-исследователя состоит не только в анализе дискурса как одного из институтов неравенства и дискриминации, но и в том, чтобы анализ был произведен с точки зрения и в интересах эксплуатируемого в капитализме рабочего класса и бедняков, тем самым занимал бы «открытую моральную и политическую позицию в отношении анализируемой социальной проблемы» [Richardson 2007: 2].

Фелан и Дальберг посчитали необходимым «пересмотреть взаимосвязь между теорией дискурса и политической экономией» [Phelan, Dahlberg 2014b: 255], а в 2014 году Фэйрклаф в переиздании своей классической работы «Язык и власть» написал, что в КДА «дискурс рассматривается как ставка в социальной борьбе, а также как место социальной борьбы, а социальная борьба рассматривается как включающая классовую борьбу» [Fairclough 2014: 2]. Естественно, этими фамилиями и работами интерес к проблематике не ограничивается.

Кроме того, если «метод Маркса и методы КДА являются идентичными» [Fairclough, Graham 2002: 201], то нет иной возможности, кроме как зафиксировать, что рассматривать социальные классы как «дискурсивные конструкты», но не как объективно существующие в зависимости от разного экономического положения (и вне зависимости от субъективных представлений о себе) группы населения, «по сути, означает отрицать капиталистический характер современного общества» [Jones 2018: 11]. А такое отрицание ставит под сомнение всю дискурсивную теорию как таковую.

Вывод. Новые общественные процессы требуют новых подходов

У классовой эксплуатации определенно есть своя коммуникационная организация и именно на это (в противовес дискурсу «идентичности») Фэйрклаф призывает обратить внимание в своих поздних работах. Кроме того, в интервью 2020 года [Fairclough

2020] он дистанцируется и от общепринятого сейчас взгляда западных левых (а точнее леволибералов) на популизм как на угрозу, с которой нужно непременно бороться. Он говорит, что перегибы политики «идентичности» вызвали естественную реакцию рабочего класса, желающего сохранить национальную самобытность, уважение к истории, патриотизм и традиционные семейные ценности. И в такой ситуации критикуемые КДА правые популисты вдруг начинают, пусть только на словах, выражать чаяния «брошенных» бывшими левыми, а ныне леволибералами, рабочих, для которых разумные формы национального консерватизма никогда не были пустым местом.

В сборнике, посвященном классической работе Фэйрклафа «Язык и власть», Изабелла Фэйрклаф называет катастрофой представление о меньшинствах как об априорных жертвах, независимо от материального положения конкретных лиц, и говорит, что политика, которая стремится прославить разнообразные идентичности без выяснения, добродетельны ли они, не имеет ничего общего с борьбой за преодоление предрассудков и дискриминации [Fairclough 2022]. Объявление оппонентов «расистами» и «ксенофобами» только лишь на основании их несогласия с политикой «идентичности», по мнению Фэйрклафа, может привести не только к прекращению всяческих дебатов, но и к криминализации альтернативных мнений, т. е. к противоположности тому, за что выступает КДА [Fairclough, Fairclough 2018: 183].

«Если бы люди, занимающиеся критическими социальными науками, придерживались только либеральных взглядов на добро и зло, как это сейчас делают многие в КДА, — говорит он в интервью 2020 года, — они бы впали в пристрастную политическую пропаганду, от которой я предостерегал» [Fairclough 2020: 119].

Фэйрклаф призывает провести четкую грань между КДА и политическим активизмом [Fairclough 2020: 117]. Грань эта понятна: критика должна основываться на прозрачном методе, связанном с глубоко проработанной социальной теорией, а не на субъективных ценностных концепциях, позволяющих с легкостью навешивать ярлыки. Поэтому КДА — это еще и «метод изучения социальных изменений» [Fairclough 1989: 26], т.е. метод не только анализа текста, но и анализа взаимосвязи между текстами и общественными процессами.

Мейнстримная для Запада неолиберальная теория «идентичностей» и связанное с ней общественно-политическое движение «воукизма», которые берут свое начало в т. н. культурном

марксизме, более не отвечают задачам борьбы с несправедливостью, неравенством и дискриминацией. Происходящие в эпоху «позднего модерна» социальные изменения требуют иных подходов к КДА, о которых уже не один год говорят Норман Фэйрклаф и другие крупные исследователи.

Список литературы:

Beck U. Risk society: Towards a new modernity. London, UK: Sage, 1992.

Beck U. Why “class” is too soft a category to capture the explosiveness of social inequality at the beginning of the twenty-first century // British Journal of Sociology. — 2013. — № 64. — Pp. 63-74.

Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized individualism and its social and political consequences. London, UK: Sage, 2002.

Block D. Social Class in Applied Linguistics // Annual Review of Applied Linguistics. — 2015. — № 35. — Pp. 1-19.

Brandist C. Introduction / Brandist C., Chown K. (Eds.) // Politics and the Theory of Language in the USSR 1917-1938. The Birth of Sociological Linguistics. London: Anthem Press, 2011.

Brandist C. The Dimensions of Hegemony. Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. Leiden: Brill, 2015.

Castells M. The rise of the network society. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1996.

Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

Collins J. Where’s class in second language learning? Working Papers in Urban Language & Literacies, 41. London, UK: King’s College, 2006.

Eagleton T. After Theory. London: Penguin Books, 2004.

Embery P. Despised. Why the Modern Left Loathes the Working Class. Cambridge: Polity Press, 2020.

Engels F. Anti-Diihring. Peking: Foreign Languages Press, 1976.

Fairclough I. Does CDA's 'critical' viewpoint have to be left-wing? In book: Language and Power. Essays in honour of Norman Fairclough (pp.263-291). Amazon, 2022.

Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A method for advanced students. London: Routledge, 2012.

Fairclough N. (with Scholtz R.). Critical discourse analysis as dialectical reasoning // Mots. Les Langages du Politique. — 2020. — № 122. — Pp. 113-123.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003.

Fairclough N. Critical and descriptive goals in discourse analysis // Journal of Pragmatics. — 1985. — № 9. — Pp. 739-63.

Fairclough N. Critical Discourse / Wodak R., Meyer M. (Eds.) // Analysis as a method in social scientific research, 2001.

Fairclough N. Critical discourse analysis / Gee J. P., Handford M. (Eds.) // The Routledge handbook of discourse analysis. London: Routledge, 2013.

Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. London: Longman, 1995.
Fairclough N. Language and power (3rd ed.). London: Routledge, 2014.
Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989.
Fairclough N. Political Discourse in the Media: An Analytical Framework / Bell A., Garret P. (Eds.) // Approaches to Media Discourse. London: Blackwell, 1998.
Fairclough N., Fairclough I. A procedural approach to ethical critique in CDA // Critical Discourse Studies. Special Issue: Ethics in Critical Discourse Studies. — 2018. — № 15 (2). — Pp. 169-185.
Fairclough N., Graham P. Marx as a Critical Discourse Analyst: The genesis of a critical method and its relevance to the critique of global capital // Sociolinguistic Studies. — 2002. — № 3(1). — Pp. 185-229.
Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis / van Dijk T. (Ed.) // Introduction to Discourse Analysis: Discourse as Social Interaction. Newbury Park: Sage, 1997.
Fraser N., Honneth A. Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange. London, UK: Verso, 2003.
Fuchs C. Grounding critical communication studies: an inquiry into the communication theory of Karl Marx // J. Commun. Inq. — 2010. — № 34 (1). — Pp. 15–41.
Graham P. Ethics in Critical Discourse Analysis // Critical Discourse Studies. Special Issue: Ethics in Critical Discourse Studies. — 2018b. — № 15 (2). — Pp. 186-203.
Graham P. Introduction // Critical Discourse Studies. Special Issue: Ethics in Critical Discourse Studies. — 2018a. — № 15 (2). — Pp. 107-110.
Halliday M. New ways of meaning: A challenge to applied linguistics // Journal of Applied Linguistics. — 1990. — № 6. — Pp. 7–36.
Halliday M.A.K. Linguistic studies of text and discourse / Halliday M.A.K., Webster J. (Eds.) // The Collected Works, vol. 2. London: Continuum, 2002.
Ives P. Gramsci's Politics of Language. Engaging the Bakhtin Circle and the Frankfurt School. Toronto: University of Toronto Press, 2004.
Ives P. Language, agency and hegemony: a Gramscian response to Post-Marxism // Crit. Rev. Int. Soc. Polit. Philos. — 2005. — № 8 (4). — Pp. 455–468.
Jones P. E. Why there is no such thing as "critical discourse analysis" // Language & Communication. — 2007. —№ 27. — Pp. 337–368.
Jones P.E. Karl Marx and the language sciences – critical encounters: introduction to the special issue // Language Sciences, 2018.
Kress G. Representational resources and the production of subjectivity: questions for the theoretical development of Critical Discourse Analysis in a multicultural society in Texts and practices / Caldas-Coulthard C. R., Coulthard M. (Eds.) // Readings in Critical Discourse Analysis. London: Routledge, 1996.
Labov W. The social stratification of English in New York City, Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1966.
Machin D., Richardson J. E. Renewing an academic interest in structural inequalities // Critical Discourse Studies. — 2008b. — № 5. — Pp. 281–287.
Machin D., Richardson J. E. Renewing an academic interest in structural inequalities. Special issue // Critical Discourse Studies. — 2008a. — № 5(4). — Pp. 281–287.

Norris C. What's Wrong with Postmodernism. Critical Theory and the Ends of Philosophy. New York: Harvester Wheatsheaf, 1990.

Ortu C. The denial of class struggle by British governments in their anti-union discourse (1978–2007) // Critical Discourse Studies. — 2008. — № 5. — Pp. 289–301.

Phelan S., Dahlberg L. Introduction: Post-Marxist discourse theory and critical political economy // Critical Discourse Studies. — 2014b. — № 11. — Pp. 255–256.

Rampton B. Hegemony, social class and stylization // Pragmatics. — 2003. — № 13. — Pp. 49–84.

Rampton B. Language in late modernity: Interaction in an urban school. UK: Cambridge, 2006.

Rampton B. Social class and sociolinguistics // Applied Linguistics Review. — 2010. — № 1. — Pp. 1–21.

Richardson J. E. Analysing newspapers: An approach from critical discourse analysis. Basingstoke: Palgrave, 2007.

Sayer A. The moral significance of class. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005.

Touraine A. A new paradigm for understanding today's world. Cambridge, UK: Polity, 2007.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: АСТ, 2019. 912 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Соч., т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 629 с.

ВОЛКОВ Павел Вадимович – аспирант Аспирантской школы по коммуникациям и медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва), *pvvolkov@hse.ru*